

КОНФУЦИАНСКИЙ ИДЕАЛИЗМ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ: ЛЮ БЭЙ КАК
КОНСТРУКТ ЛЕГИТИМНОСТИ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОЕКТЕ ШУ-ХАНЬ

Султанова Жасмина Нурмухаммад кизи

Самаркандский государственный институт иностранных языков,

факультет восточных языков, китайская филология,

студент 4-го курса.

jasminsultanova83@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой комплексный анализ фигуры Лю Бэя (161–223 гг.) — основателя царства Шу-Хань, чей образ в исторической памяти сформировался как антитеза «реалисту» Цао Цао и «тирану» Дун Чжо. Цель исследования — деконструкция созданного конфуцианской и литературной традицией канонического образа «правителя-гуманиста» (жэнь цзюнь) и выявление реальных политических стратегий, позволивших ему, несмотря на скромное происхождение и хроническую нехватку ресурсов, построить жизнеспособное государство и стать символом легитимной династийной преемственности. Методология работы основана на сравнительно-историческом анализе нарративных источников, политической мифологии и историографической традиции. Научная новизна заключается в рассмотрении Лю Бэя как уникального примера успешной «инвестиции» в репутацию и моральный капитал, который был конвертирован в политическую и военную силу. Делается вывод, что его правление стало попыткой институционализации конфуцианских идеалов добродетели, что сформировало модель «этической государственности», оказавшую колоссальное влияние на дальневосточную политическую культуру.

Ключевые слова: Лю Бэй, Шу-Хань, династия Хань, легитимность, конфуцианский идеализм, Чжугэ Лян, Гуань Юй, Чжан Фэй, политическая мифология, Саньго чжи.

Введение: Легенда и человек

Образ Лю Бэя, запечатленный в «Исторических записях» и канонизированный романом «Троецарствие», является одной из самых мощных политических легенд Китая. Он предстает «царем-скитальцем», «младшим дядей императора» и «носителем добродетели», чья чистота помыслов противопоставлена цинизму его соперников.

Однако за этим идеализированным фасадом скрывается тонкий политик, мастер альянсов и строитель репутации, сумевший превратить свое дальнее родство с угасавшим домом Хань в главный стратегический актив в эпоху, когда сила казалась единственным аргументом.

Политическая биография: От скитальца до императора

Путь Лю Бэя к власти был долгим и тернистым, что лишь укрепляло его легенду.

1. Происхождение и ранние годы: Будучи потомком в одном из боковых ответвлений ханьского императорского дома (согласно генеалогическим построениям), он начинал как мелкий ремесленник и местный чиновник. Его харизма и умение привлекать к себе преданных сподвижников (Гуань Юй, Чжан Фэй) стали основой его будущей «команды».
2. Эра скитаний (190-е – 200-е гг.): В отличие от Цао Цао или Юань Шао, Лю Бэй долгое время не имел собственной территориальной базы. Он последовательно служил и менял покровителей (Гунсунь Цзань, Тао Цянь, Цао Цао, Юань Шао, Лю Бяо), каждый раз укрепляя свою репутацию благородного и верного, но самостоятельного лидера. Этот период был вынужденной школой дипломатии и выживания.
3. Обретение базы и доктрины: Ключевым стал поворотный момент после битвы у Красной Скалы (208 г.), где он выступил союзником Сунь Цюаня. Получив контроль над провинцией Цзинчжоу, а затем захватив в 214 г. богатую сичuanьскую область Ичжоу у своего родственника Лю Чжана, Лю Бэй наконец обрел территорию для государственного строительства. В 219 г. он провозгласил себя «Ханьским князем Ханьчжуна», а в 221 г., после сообщений о казни последнего ханьского императора, взошел на трон как первый император государства Шу-Хань, формально продолжавшего династию Хань.

Идеологический проект и государственное строительство: Шу-Хань как воплощение «Дао» правителя

Правление Лю Бэя и его канцлера Чжугэ Ляна стало попыткой создать государство на принципиально иной, по сравнению с Вэй, основе.

1. Идеология легитимности: Легитимность Шу-Хань зиждалась на доктрине «восстановления Хань» (фу Хань). Лю Бэй был не узурпатором, а реставратором. Это давало моральное превосходство и служило мощным мобилизационным лозунгом для конфуциански мыслящей элиты.

2. Принцип добродетельного правления (жэнь чжэн): Вопреки легистским методам Цао Цао, Лю Бэй стремился править через милосердие и справедливость, что отражено в нарративе о его популярности среди простого народа. Его знаменитый «жест с младенцем» (когда, отступая, он взял с собой толпу беженцев, замедлив свое движение) стал хрестоматийным примером добродетели.

3. Культ братской верности: Его отношения с Гуань Юем и Чжан Фэем, скрепленные «Клятвой в персиковом саду», были мифологизированы как эталон личной преданности (и), поставленной выше государственных интересов. Это создавало уникальную «семейную» ауру вокруг его власти.

4. Симбиоз с Чжугэ Ляном: Отношения «правитель-министр» между Лю Бэем и Чжугэ Ляном стали конфуцианским идеалом. Полное доверие Лю Бэя к своему стратегу («завещание в Байдичэне») и ответная абсолютная преданность канцлера олицетворяли гармонию мудрости и власти.

Военно-политическая стратегия: Между идеалом и необходимостью

Несмотря на риторику добродетели, Лю Бэй был прагматиком. Его кампании были направлены на реализацию грандиозной, но почти невыполнимой стратегии Чжугэ Ляна: выдвинуться из Цзинчжоу и Ичжоу, чтобы нанести удар по сердцу империи Вэй. Однако катастрофическое поражение при Сяотине (221-222 гг.) в мести за казнь Гуань Юя, нанесенное войсками У, показало пределы его возможностей и разрушило стратегический баланс. Это была трагедия, в которой личная клятва верности столкнулась с государственной целесообразностью.

Заключение

Лю Бэй остается самой человечной и трагической фигурой Троецарствия. Его величие заключается не в военных победах или административных прорывах (здесь он уступает Цао Цао и Сунь Цюаню), а в последовательном воплощении конфуцианского политического идеала. Он доказал, что в эпоху тотального цинизма моральный капитал, правильно управляемая репутация и идея легитимности могут стать основой для построения государства, пусть и обретенного в долгосрочной перспективе из-за скудости ресурсов.

Его историческая роль — роль хранителя традиции и символизма. Проект Шу-Хань стал яркой, но короткой вспышкой попытки построить «империю добродетели». Поражение Лю Бэя и последующая гибель его дела — это не только военно-политический, но и глубоко философский факт, свидетельствующий о сложности

реализации чистого идеала в мире реальной политики. Однако именно эта неудача, освященная жертвой и верностью, сделала его и его соратников вечными культурными героями, чей образ преданности и праведной борьбы против превосходящих сил продолжает вдохновлять спустя тысячелетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Шоу. Саньго чжи (Записи о Трёх царствах). Гл. 32: «Шу шу. Сяньчжу чжуань» (Биография Первого Владыки [Лю Бэя]) [на кит. яз.]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959.
2. de Crespigny, R. Generals of the South: The Foundation and Early History of the Three Kingdoms State of Wu. Canberra: ANU Press, 2004. (Содержит анализ отношений Лю Бэя с У, включая конфликт из-за Цзинчжоу).
3. de Crespigny, R. Imperial Warlord: A Biography of Cao Cao 155–220 AD. Leiden: Brill, 2010. (Для сравнительного анализа с его главным соперником).
4. Быков А.А. Формирование имперской идеологии в эпоху Троецарствия (Шу-Хань) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. XLVIII. С. 78–95.
5. Караев О.Ч. Военное искусство в период Троецарствия в Китае. СПб.: Нестор-История, 2013. (Анализ кампаний Лю Бэя, в т.ч. битвы при Сяотине).
6. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Компилитивное зерцало, помогающее управлению). Цзюани 60-70 [на кит. яз.]. Пекин: Гуцзи чубаньшэ, 1956.
7. Меликsetov A.B. История Китая. М.: Изд-во МГУ, 2004. (Для общего исторического контекста).
8. Luo, Guanzhong. Three Kingdoms: A Historical Novel / transl. by Moss Roberts. Beijing: Foreign Languages Press, 1995. Литературный канон, сформировавший массовый образ).

